

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТРАГЕДИИ В. КОРКИЯ «АРИСТОН»

В пьесе «Аристон» (2004) В. Коркия обращается к античному мифологическому сюжету об Эдипе, по неведению убившем отца и женившемся на собственной матери. В прологе автор дважды упоминает Софокла, благодаря которому, по его мнению, история о фиванском правителе обретает долгую жизнь в веках. Эксплицитная отсылка к древнегреческой трагедии «Эдип-царь» подкрепляется и знакомым читателю составом основных действующих лиц (Эдип, его жена Иокаста, дочь Антигона и шурин Креонт, прорицатель Тиресий, коринфский Вестник, Пастух), и уже известной фабулой (от встречи царя Фив со Жрецом до самоослепления Эдипа) русской драмы. Однако декларируемая причастность к литературной традиции не мешает В. Коркия создавать собственный миф – в том числе, с помощью женских образов.

С. Аверинцев отмечает: «Только для мужчин существуют в мире Софокла такие вещи, как слава, блистательность, власть; «парадигма» этой общеполской судьбы – судьба Эдипа» [1, 91]. И хотя Иокаста, рассудительная, добрая, кроткая, «заручается нашими симпатиями прежде, чем мы успели подумать о ее неестественных отношениях к герою трагедии» [2, 45], в «Эдипе-царе» она почти всегда находится на втором плане. Эдип – безусловный протагонист произведения, единственный женский образ которого лишь подчеркивает ярковыраженную монополярность его персонажного ряда.

Пьеса В. Коркия неслучайно посвящена женщине – «гениальной трагической актрисе Оксане Мысиной» [3], которая два года играла Иокасту в спектаклях Театрального братства своего имени. Эдип в «Аристоне» по-прежнему находится в центре событий, но рядом с ним уже не скромная спутница жизни, а яркий, активный персонаж, полноправный участник этих событий. Образы Эдипа и Иокасты – два «центра тяжести» русской трагедии, персонажный ряд которой биполярен.

Иокаста у В. Коркия резкая, смелая, властная. Она отстаивает невиновность брата Креонта, одергивает дочь Антигону, спорит с мужем. Она любит и защищает близких, гордится своей семьей. Если Эдипа скорее угнетает, чем радует, его высокий социальный статус, то Иокаста не лишена тщеславия: рассказывая супругу о случившемся на перекрестке трех дорог, она самолюбиво замечает, что если бы Эдип встретился с Лаем, то он запомнил бы не сверкающие пятки беглеца, а «гордый блеск серьги царя» [3]. Когда Эдип делится с женой своими страхами, она безапелляционно отвечает: «Ты царь, Эдип. Держи себя по-царски. / Твой долг – найти убийцу» [3].

Ни у Софокла, ни в других источниках мифа ничего не говорится о ходе семейной жизни Эдипа и Иокасты. Античная трагедия в принципе «никогда не входила в подробности супружеской жизни, считая их

естественным результатом заключенного брака, для которого, кстати говоря, вовсе не требовалось взаимного влечения супругов» [4, 199]. У Софокла Эдип любит жену и считает ее своим другом, Иокаста же, судя по всему, вполне довольна своим супружеством.

В «Аристоне» Иокаста не только сравнивает Эдипа со своим покойным супругом Лаем, говорит об их внешнем сходстве (как у Софокла), но и отмечает разное их к ней отношение, отдавая предпочтение заботливому и любящему Эдипу. Однако В. Коркия отказывается от идеализации многолетнего брака. Седьмое действие второго акта, где описывается встреча супружеской четы, – один из самых драматичных эпизодов пьесы. Автор мастерски обыгрываются взаимоотношения стареющей женщины и еще молодого мужчины. «Родная» – так называет Эдип свою жену, на что та раздраженно отвечает: «*Родной бывает мать, а я – жена!*» [3].

Иокаста тяжело переживает утрату красоты и привлекательности. Она полна сил и молода в душе, но лицо и тело предательски выдают ее возраст. Под внешней оболочкой бушует огонь, уже не радующий, а смущающий Эдипа, который давно видит в своей жене не любовницу, а друга, мать его детей (в отношении Эдипа к Иокасте, кстати, прослеживается явное сходство с трагедией Софокла). Иокаста упрекает мужа в холодности и с горечью вспоминает взаимную страсть, которая была у них в прошлом.

Переживания Иокасты по поводу ушедшей молодости дополняются тайными страданиями по сыну, рожденному от Лая, и явными – по недавно умершему сыну от второго мужа. Из разговора Эдипа с Креонтом мы узнаем, что женщина в отчаянии от постигшего ее горя. Заглушить душевную боль утраты Иокаста пытается с помощью жестокости, агрессии, насилия. В поведении Иокасты у Софокла «нет ничего, что выдавало бы в ней эротическую агрессивность» [4, 200], поэтому особенно разительно несходство героинь Софокла и В. Коркия в сцене, где в порыве бессильной злости Иокаста предлагает мужу взамен себя рабыню, чтобы та родила им «нового» сына. При этом она восклицает: «*Эдип! / Представь, что это – гордая царица. / Царица семивратных Фив! Представь, / что, чужеземец, ты к вершине власти / взойдешь через ее врата!*» [3]. В словах Иокасты – имплицитная отсылка к символическому толкованию ее образа в античном мифе, в котором она «не просто невеста, в ней – награда за подвиг отваги и мудрости, в ней – слава, в ней – власть над Фивами» [1, 92].

Иокаста гораздо активнее сопротивляется установлению истины, чем Эдип. Убедительна и красноречива, как лучший из ораторов, она бурно реагирует на рассказ Вестника, обвиняя его во лжи. «Иокаста сразу понимает. В одно мгновение она составляет из двух лживых предсказаний одно правдивое пророчество. Она – мать брошенного ребенка, никогда не забывавшая о судьбе несчастного младенца. Вот почему, услышав рассказ о другом покинутом ребенке – такой же самый рассказ, – она раньше всех его поняла» [5, 330] – так А. Боннар описывает героиню Софокла, но эти слова справедливы и в отношении героини В. Коркия.

Иокаста в русской трагедии не может забыть о том, что Лай вынудил ее избавиться от их первенца. Сына от второго брака она называет Аристоном, как будто пытаюсь вернуть утраченного когда-то младенца. Иокасту гложет чувство вины, при этом она не может признаться Эдипу в том, что ее первый сын был уничтожен не только по приказу первого супруга, но и по причине ее собственных страхов, вызванных предсказанием оракула. Опасения Иокасты ненапрасны: Эдип потрясен рассказом Пастуха, за которым он эхом повторяет: «*Велела...умертвить*» [3], и не находит оправдания матери, отказавшейся от своего ребенка.

О смерти Иокасты, свершившейся накануне шестнадцатилетия ее дочери, мы узнаем не от Эдипа, а от самой Антигоны, которая также хочет покончить с собой, потрясенная самоубийством любимой матери. Однако такой поступок противоречил бы логике развития второго женского образа в пьесе. В. Коркия «оживляет» бессловесную статичную Антигону Софокла из «Эдипа-царя», наделяя ее качествами, присущими ее отцу.

Девушка обладает любознательностью так же, как и Эдип. Ей интересен мир, она хочет знать истинные причины всего происходящего, хочет получить ответы на все свои вопросы. Проницательная Антигона – истинная наследница своего отца, обладавшего неумным стремлением к познанию и умением разрешать самые сложные загадки. Кротость и доброта девушки также перекликаются с мягким характером Эдипа и контрастируют с резкостью и жесткостью Иокасты, суровой и властной по отношению к дочери. При этом в Антигоне чувствуется внутренняя сила, поэтому невольно верится в слова Тиресия о том, что именно она будет опорой для ослепившего себя Эдипа.

Антигона остается в живых и изгоняется из Фив по приказу Креонта, а вместе с ней и ее отцом город покидает Рабыня-еврейка, беременная от Креонта, – женский персонаж, которого нет ни в античной мифе, ни у Софокла. Молодая и красивая египтянка на вопрос Эдипа о том, верит ли она в богов, отвечает: «*Верю. / Но не в богов, а в Бога. Он – один. / Творец и Вседержитель*» [3]. Христианский мотив вводится В. Коркия очень тонко и ненавязчиво – так же, как начиналось христианство, зародившееся в иудейских общинах и распространившееся среди народов Римской империи (в том числе, и в Египте). В финале драмы служанка совсем по-христиански говорит своей хозяйке: «*Простите, госпожа...*», – слыша в ответ: «*А ты – меня...*» [3]. Перед смертью Иокаста разговаривает с Рабыней и слова ее – страшные (она советует девушке вытравить плод), полные отчаяния – все же похожи на исповедь. Исповедь эта была такой, какую была способна произнести Иокаста В. Коркия.

Перед самоубийством жены-матери Эдипа все три женщины пьесы предстают перед читателем: Иокаста с отобранным у служанки поясом, на котором она собирается повеситься; Рабыня, ужасающаяся намерению своей госпожи; Антигона, которая просит любимую мать не уходить от нее. Соединение в одной сцене трех персонажей не случайно: В. Коркия «играет» с базовым понятием психоанализа (триада «Эдип – Лай – Иокаста» – один из

кодов психоаналитического учения З. Фрейда), наполняет свою трагедию триадами.

Уже в прологе автором задается треугольник «Софокл – Эдип – Сфинкс». Эдип-царь предстает перед нами в рамках треугольника «Эдип – Жрец – Креонт». Происхождение Эдипа, представленное двумя треугольниками («Эдип – Лай – Иокаста» и «Эдип – Полиб – Мeroпа»), оттеняется треугольником «Рабыня-еврейка – Креонт – их будущий ребенок». Семейная жизнь Эдипа показана треугольниками «Эдип – Антигона – Иокаста» и «Эдип – Аристон – Иокаста». Триада «Иокаста – Антигона – Рабыня» идеально вписывается в структуру пьесы еще и потому, что представляет собой иллюстрацию загадки Сфинкс о трех возрастах человека: юная девушка (Антигона) – молодая женщина в расцвете сил (Рабыня) – зрелая женщина (Иокаста).

Женские персонажи в трагедии «Аристон» динамичны, активны. Образы Иокасты и Антигоны, уже известные нам по мифологической и литературной традиции, узнаваемы, но переосмыслены и перекодированы автором с помощью полемики и игры с античным мифом, литературной и культурной традицией. В. Коркия углубляет образ Иокасты, делает его ярким и многогранным: перед читателем предстает и честолюбивая царица Фив, и бывшая жена Лая, и властная госпожа, и стареющая женщина, и отчаявшаяся мать. Психологические переживания и личностный мир Иокасты автор обрисовывает максимально полно. Образ Антигоны – своеобразный приквел, образ-предисловие к «Антигоне» Софокла, а персонаж Рабыни позволяет драматургу дополнить «языческий» сюжет христианской тематикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев, С. С.* К истолкованию символики мифа об Эдипе / С. С. Аверинцев // Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского: сб. науч. ст. М., 1972.
2. *Зелинский, Ф. Ф.* Трагедия рока / Ф. Ф. Зелинский // Софокл. Драммы: в 2 т. – Т. 2 / пер. со введ. и вступ. оч. Ф. Зелинского. М., 1915.
3. *Коркия, В.* Аристон / В. Коркия // Персональный сайт писателя [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: <http://viktor-korkia.narod.ru/drama/ariston/ariston.htm>. Дата доступа: 10. 11. 2011.
4. *Ярхо, В.* «Эдипов комплекс» и «Царь Эдип» Софокла (О некоторых интерпретациях древнегреческой трагедии) / В. Ярхо // Вопросы литературы. – 1978. – № 10.
5. *Боннар, А.* Греческая цивилизация: в 2 т. Т. 1: От Антигоны до Сократа. / А. Боннар. Ростов-на-Дону, 1994.